

Предисловие

*Различные личные наблюдения,
не имеющие важности*

Исследование юридических и прочих документов, находящихся в Государственном архиве и аналогичных хранилищах древних актов, — это занятие, которое мои друзья из вежливости называют «очень интересным», не очень-то веря, что кто-то может взяться за такое скучное занятие, не проявляя к нему интереса. И нужно признать, что есть основания косо смотреть на подобную работу. Начнем с того, что доходы от исторических исследований обычно незначительны или даже отрицательны, а следовательно, это явно нежелательное, если не предосудительное занятие. В таком случае совершенно верно, что подавляющее большинство таких записей так же сухо, как пыль, которая скапливается на них, и что во многих случаях интерес, который они представляют, носит случайный характер, поскольку вызван их связью с конкретным местом или человеком, личность которого заслуживает внимания.

6 Таким образом, даже самые тривиальные детали иска Уильяма S. против Фрэнсиса В. вызвали бы всепоглощающий интерес, если бы под S. выступал Шекспир, а под В. — Бэкон, но очень велики шансы, что S. будет обозначать Смит, а В. — Браун. В то же время непрактичный исследователь, позволяющий отвлечь свое внимание и не ограничивающийся лишь объектом исследования, часто вознаграждается обнаружением записей причудливых, забавных или мрачных, проливающих свет на жизни людей, имена которых стерлись из памяти столетия назад. Свет может быть тусклым, но, тем не менее, это свет, который нельзя увидеть где-либо еще, поскольку истории с большой буквы «И» озабочены лишь действиями королей, государственных деятелей и других важных персон, в то время как эти записи рассказывают нам о жизни тех, кто в свое время, как и большинство из нас ныне, были центром своего собственного микрокосма, но не играли значимой роли на мировой арене. Я полагаю, что не преувеличу, сказав, что только через близость к национальным записям (я бы использовал это слово в самом широком смысле, чтобы включить также надписи на камне и дереве, и даже на глине, даже с помощью информации, кроющейся за земляными валами и живыми изгородями) можно

получить некоторое представление о средневековом духе.

Этот дух очень хрупок, хотя одной из его главных черт является необычайная прямота и простота и то, что его легче понять, чем объяснить. Но даже если средневековый дух бы было легко исследовать и анализировать, учитывая такие его особенности, как юмор, страх перед Богом и дьяволом и т. д., то не следовало бы делать это здесь. Так как, хотя эта книга и была написана с определенной целью, но цель эта состояла не в том, чтобы наставлять и поучать, а скорее в том, чтобы заинтересовать и развлечь, что является гораздо более высокой миссией, и если читатель, знакомясь с этой книгой, почувствует, что он приобрел знания, это произойдет, вероятно, во многом благодаря работе художника, который воплотил в рисунках нечто большее, чем материальные детали событий, которые писатель связал воедино.

Что касается следующих полудюжины эссе, то их происхождение было почти таким же спонтанным, как и у Топси¹; как и она, они

¹ Топси (англ. Topsy; около 1875 – 4 января 1903, Кони-Айленд, Нью-Йорк, США) – азиатская слониха, выступавшая в цирке американского антрепренера Адама Форпо в нью-йоркском Луна-парке. – *Здесь и далее – примечания редактора.*

8 просто росли. Мне посчастливилось потратить много времени на поиски древних документов любого рода, и действительно, едва ли найдутся дореформационные документы, сохранившиеся между Ченсери-Лейн и Феттерлейн, в которые я бы не углублялся. Более того, будучи неметодичным по своей натуре, даже не располагая временем, я позволял себе не упускать из вида любую странную или необычную запись, даже если она не имела ничего общего с объектом моих поисков. Замечу также, что я редко могу найти нужное слово в Новом словаре английского языка, потому что мне попадаетея гораздо больше интересных слов в других источниках. Таким образом, мои записные книжки наполнялись замысловатыми и очаровательными кусочками старины, многие из которых были облачены в причудливый наряд архаичного английского языка, который придает им пикантность, а иногда и нотку непреднамеренного юмора. Чувствуя сожаление о том, что такие сокровища до сих пор скрыты от людей, я связал некоторые из них воедино, дополнив свой материал параллельными отрывками из некоторых менее известных хроник и других печатных источников.

Полученные результаты были опубликованы в виде эссе в Oxford and Cambridge Review

и, как мне кажется, доставили определенное удовольствие некоторым из читателей. Во всяком случае, меня попросили переиздать их в виде давно запланированной к изданию книги, и редактор Oxford and Cambridge Review любезно предоставил мне не только возможность, но и поддержку. Я решил проиллюстрировать книгу, но несколько попыток заручиться услугами разных художников провалились, и вот однажды меня представили мистеру Джорджу Крюгеру, чьи работы хвалить было бы излишне.

Что касается конкретных источников, из которых взяты мои рассказы, они весьма разнообразны, но любопытным будет интересно узнать, что наиболее информативными оказались материалы Канцелярского суда, на более поздние документы которого опирался Диккенс в «Холодном доме», описывая дело Джарндисов против Джарндисов.

Это связано с тем, что в этой области больше записей, чем в любых других по столь же ранней эпохе, в протоколах часто встречается разговорный язык. Стоит отметить, что многие дела, которые мне попадались, зафиксированы на латыни или на этом ужасном законном французском языке, с вульгаризированным произношением, записанным эксцентричной орфографией XV–XVI веков. С исторической

10 точки зрения, о юридических документах такого типа можно сказать кое-что важное: они полностью свободны от предубеждений. Никто не ожидает от истца или ответчика беспристрастности. И нет ничего более безнадежно вводящего в заблуждение с исторической точки зрения, чем беспристрастность. Во-первых, беспристрастный историк практически неинтересен; труды наиболее беспристрастного в юридическом отношении историка нашего времени — если судить по английской истории — не читаются. Более того, хотя он и точен, и кропотлив, они производят совершенно неправильное впечатление, точнее не производят впечатления вообще. «История Реформации», написанная таким образом, была бы бесконечно далека от истины, в отличие от истории Фруда или Гаске. Чтобы проиллюстрировать, что я имею в виду, приведу пример, исходя из современных событий: в будущем какой-нибудь историк, несомненно, напишет честно и беспристрастно о реформе тарифов, избирательном праве женщин и национальном страховании. Таким образом, он полностью упустит значение этих движений; личности мистера Ллойд Джорджа, миссис Панкхерст и мистера Джозефа Чемберлена не являются предметами для холодного и беспристрастного рассмотрения, и только благодаря

благословенному дару предубеждений историк будущего сможет проникнуться чувствами нынешнего поколения и почувствовать истинную неогеогианскую атмосферу.

Хроники, которые составляют главный из моих дополнительных источников, полны жизни и предрассудков. Очень человеческими были многие из этих писателей — от блестящего валлийского протожурналиста Джеральда де Барри до почтенных лондонцев Грегори и Фабьяна.

Интереснее всего рифмованные записи; в них есть множество деталей, которые мне нравятся, и утрату «Трои» Лидгейта или утрату забытого дедушки английской поэзии «Беовульфа» я перенес бы с большим хладнокровием, чем утрату таких строк, как зарисовка об осаде Руана, написанных Джоном Пейджем:

Все в стихах и не в рифму.
Из-за места у него не было времени.

Немногие стихи могут сравниться с этим произведением в его ярком изображении военных операций в XV веке, где две стороны конфликта, описание армии и страданий мирных жителей контрастируют с замечательным по силе драматизма отрывком, повествующем о том, как были разбиты два павильона между английским лагерем и стенами

- 12 города для делегатов, назначенных соперничающими странами, чтобы обсудить условия мира.

Это был торжественный вид
Обе стороны собрались, чтобы увидеть
друг друга.

Увидеть павильоны на этом месте,
Людей, что собрались у стен,
И прочих людей, которые вышли,
Что стояли и ходили вокруг.
Было утешительно видеть
Множество войск, проходивших по городу,
Короли, рыцари и слуги
С гербами и флагамию.
Английский зверь, французский цветок,
Портингейл — замок с башней,
И прочие разнообразия
Как медведи лордов на их знаменах,
Осыпанные золотом, они начали
Едва солнце осветило их.
Этот знак был радостен и дорог
Но вокруг было столько сожаления и боли
Несчастных людей, что оставлены здесь,
И ничто иное, как туча,
И одежды на их спинах
Скрывали их от дождя
Погода причиняла им боль.
Все это время шел дождь.
Люди видели там скорбные сцены:
Ребенок лет двух или трех
Пытался выпросить хлеба,
Отец и мать оба мертвы.
Под некоторыми [из тел] стояла вода,
И даже лежавшие молили о еде,
И некоторые умирали от голода
И прекращали дышать.

Некоторые стояли на коленях
И были худы, словно деревья,
И женщины держали в своих руках
Мертвых детей своих.

Это были такие разные картины:
Одна — радости, другая — боли,
Разные, как ад и рай,
Где одним — хорошо, там другим — горе...

Все стихотворение демонстрирует префаэлитскую любовь к деталям в сочетании с драматургическими ценностями, и то же самое можно сказать о многих других рифмованных хрониках, политических стихотворениях и тематических балладах. В качестве примера значимости такой поэзии в интерпретации средневекового духа я мог бы привести поэму «История Вильяма Маршала» и то, как оно проливает свет на дни рыцарства. В этом восхвалении великого графа Пембрука²

² Уильям Маршал (англ. William Marshal, фр. Guillaume le Maréchal, англо-норм. Williame li Mareschal; ок. 1146/1147 — 14 мая 1219) — 1-й граф Пембрук с 1189 года, маршал королевского двора с 1194 года, юстициарий Англии в 1190–1194 годах, шериф Глостершира в 1190–1195, 1199–1207 годах. Уильям Маршал, по мнению современников, являлся величайшим рыцарем христианского мира. Руководил королевской армией во время Первой баронской войны (1215–1217), был одним из гарантов Великой хартии вольностей 1215 года, а после смерти Иоанна Безземельного осуществлял функции регента Англии.

- 14 деловая запись денежной прибыли, полученной в результате его мастерства на турнирах, словно снимает с него позолоту, так же как и подробности бойни и последующей продажи³ после нее. Принимая во внимание в высшей степени цитируемый характер этих строк, действительно весьма примечательно, что я так мало использовал их в своих эссе, охватывающих столь широкий круг вопросов. Также очень жаль, что ими так пренебрегают те, чье дело — преподавать историю. Разумное использование подобных материалов сделало бы историю живой, но, к сожалению, широко распространена идея, что даты — это начало и конец истории, и это заблуждение подпитывается тем значением, которым их обычно наделяют в исследовании. Следовало бы помнить о том, что в действительности даты совершенно не важны и не имеют никакой ценности сами по себе, но полезны исключительно как *memoria technicse* для установления последовательности событий; например, не имеет никакого значения (за исключением, возможно, значения для астрологов), что

³ Победитель рыцарского поединка получал доспехи и боевого коня побежденного. Зачастую и сам побежденный попадал в плен к победителю и был вынужден выкупать себя.

Черная смерть разразилась в 1349 году и что Крестьянское восстание было в 1381 году, но очень большое значение имеет тот факт, что одно из этих событий случилось через поколение после другого. Однако обсуждение правильных и неправильных методов преподавания истории — это слишком обширная тема, чтобы ее можно было касаться в финале этих отрывочных размышлений, которые должны были стать введением к следующим эссе. Так что, если у кого-то из читателей есть необычная привычка начинать книгу с введения, я прощаюсь с ними и желаю им приятного путешествия по средневековым переулкам.

I. Знахари и прочие

Алхимики

Циклическая тенденция, столь очевидная в природе, не в последнюю очередь применима к области знаний. Открытие одной эпохи теряется в следующей, чтобы вновь появиться позже, преподносимое как триумф современной изобретательности или науки. На картах трехвековой давности Нил изображался восходящим из Великих озер, но в атласах, которыми пользовались наши отцы, озера исчезли, и появился ряд воображаемых гор, словно маленькая шерстистая гусеница в самом сердце Африки, только для того, чтобы в наши дни снова быть замененными на Великие озера.

Драконы, будучи обычным явлением в древности, впали в незаслуженное забвение, само их существование отрицалось скептически настроенным поколением, и только в последние

годы они были спасены и реабилитированы людьми науки, которые, стыдясь признаться, что нашли сказочных монстров, замаскировали их под многосложным классом «завров». Рассказы о путешествиях старого Геродота, над которыми

ми посмеивались лучшие умы лишенной воображения викторианской эпохи, сейчас ежедневно получают признание. Царь Кедорлаомер и другие достойные люди, которые после столетий безупречного библейского существования были стерты германскими критиками, вновь появились на табличках из нетленной глины, извлеченных археологами; а в более приземленных вопросах оказалось, что самые последние достижения санитарной науки были известны 60 веков назад во дворцах Крита.

Так получилось и с алхимией. Превращение неблагородных металлов в благородные, прежде всего в золото, считалось возможным с самых ранних исторических времен и до XVII века. Затем распространение печати позволило опубликовать свои идеи и теории такому количеству приверженцев науки, что вся

18 вера в алхимию была сметена потоком мистической чепухи, но теперь наука снова встала на порог познания трансмутации. Похоже, что алхимики древности основывали свои теории на вере в то, что все металлы, да и вся материя, содержат один общий элемент, а самой чистой и совершенной формой на земле является золото. Когда ученые открыли атомную теорию, это было опровергнуто. Были приведены неопровержимые доказательства того, что определенные вещества, такие как золото и серебро, являлись химическими элементами и что элементы состояли исключительно из скоплений неделимых атомов, каждый из которых обладал характеристиками своего конкретного элемента.

Иными словами, золото оказалось золотом, а серебро — серебром, и точка. Но сейчас неделимые атомы начинают разлетаться на части под умелой и безжалостной атакой современных ученых, и не будет ничего удивительного, если мы доживем до того, как химические элементы из нашей школьной программы сведутся к комбинациям двух или трех первичных элементов, даже при условии, что изначальный элемент, великую первопричину, невозможно взвесить, измерить или сфотографировать. Таким образом, если золото и серебро можно разложить на одни

и те же составляющие, вполне возможно, что эти составляющие можно рекомбинировать таким образом, чтобы серебро стало золотом, а золото — серебром. Для научного ума эти две трансмутации имели бы равную ценность, но для философа, всегда стремящегося к совершенству и для грязного спекулянта, всегда стремящегося к прибыли, целью всегда был производство золота из менее ценного металла.

Естественно, в юридических документах мало сведений о средневековых алхимиках. Их разбирательства были безобидны, и не было цели подчинить их юрисдикции какого-либо суда, кроме, возможно, дел о банкротстве. Одно из редких исключений из этого правила молчания произошло в 1463 году, когда Эдуард IV даровал сэру Генри Грею из Коднора в Дербишире полномочия трудиться с помощью хитрости философии над трансмутацией металлов, со всем необходимым для этого, за королевский счет, при условии, что он будет докладывать королю, если от этого выйдет какая-либо прибыль. Условия гранта сложно назвать либеральными. Два года спустя король решил, что у сэра Генри было достаточно времени для экспериментов, и призвал его отчитаться о достижениях. Философ, которому, вероятно, нечего было

20 рассказать, не явился, и его дело было отложено на пять лет.

Наконец, была назначена новая дата его появления в суде в середине октября 1470 года, но до этой даты Его Величество, в связи с некоторыми необходимыми и неотложными причинами, заставляющими его бежать, совершил путешествие из своих земель в Англии в чужие края, не оставив регента или опекуна королевства, поэтому Бароны Казначейства не явились. Читая придирчивый приговор, можно понять, что 3 октября король Эдуард, по словам Спида, «бежал из своих земель, кроме Ноттингема, пересекая Уош в сторону Линна, с большими трудностями, чем полагается принцу во время приключений, и, таким образом, без какого-либо напутствия для Королевства, на двух голландских хольках и одном английском корабле, лишенном всех необходимых припасов, отплыл в сторону Бургундии, и на пути им встретились истерлинги¹, главные враги Англии, которые оказались удивлены несказанно». Позже была изложена более вежливая версия событий, но мы точно знаем о том, как Генрих VI вернул свое королевство от Эдуарда, «фактически короля, но не по пра-

¹ Жители стран, находящихся на востоке, ганзейские купцы, не брезговавшие пиратством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru